

между членами господствующего класса заключается только в различной величине земельных наделов. Любая государственная должность понимается Ермолаем-Еразмом не как некая привилегия избранных, а как необходимое дополнение к земельному наделу. Большой земельный надел требует от его владельца исполнения больших обязанностей без какого-либо денежного вознаграждения: „Не достоин бо никому же боярам и воеводам и воином, своя ратая имуще, со инех же сребро имати. Аще бо кто предо инеми войны и велик ест, то по достоянию его болши ест земли вдано ему, и тако ратаев своих предо инеми войны болши стяжет, ового вдвое, а инаго втрое, инех же в седмеро и в осмеро. Сей тако велик ест, аще и воеводствовати или боярствовати удобен, но неудоб же ест ему предо инеми войны яко государем быти. Се ест излишнее и богатество и гордост, еже у своих ратаев удобная доволствия взимая, к сему же и с чюжих сребро взимати“.¹

Сознавая необходимость заботы о безопасности государства, Ермолай-Еразм рассматривает вопрос о том, по какому принципу должна нести воинская повинность. Основой для несения воинской повинности служилыми людьми является четверогранное поприще. Получивший от царя в пользование поприще земли выступает в поход сам „и с ним слуге в бронях“. Большое количество поприщ влечет за собой увеличение количества слуг, обязанных выйти в поход.

Установив, таким образом, нормы несения воинской повинности, Ермолай-Еразм переходит к рассмотрению вопроса о том, как сделать войско царя действительно боеспособным, готовым в любой момент выступить в поход. Он видит препятствие к этому в том, что служилые люди живут в своих поместьях: это не только затрудняет сбор войска, замедляет его, но и дает возможность некоторым лицам совсем не являться на службу. Если же войны будут жить в городах, получая от своих крестьян „установленное“, все эти нежелательные для государства явления, по мнению Ермолая-Еразма, будут сразу ликвидированы: „яко едина царева грамота о воинстве придет к ним, и единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отлучитися, но единомысленно и в един день вси грядут на порученную им службу“.²

Переходя ко второй части проекта, включающей в себя ряд мер, направленных на подъем общественной нравственности, Ермолай-Еразм снова обращается к авторитету священного писания, дабы обосновать необходимость вмешательства царя и в эту сторону жизни. Большие обязанности налагаются на царя его саном: „ему же дано боле, и взищется боле от него, и ему же дано, множайши, множайши и просят от него“.³

На примере Пскова Ермолай-Еразм показывает пагубное влияние корчем на нравственность.

Для устранения начала всех зол — пьянства — Ермолай-Еразм предлагает запретить разведение хмеля; для прекращения душегубства он предлагает кузнецам ковать ножи с тупыми концами. В этом предложении Ермолая-Еразма обращает на себя внимание уверенность автора в силе государственной власти, в силе государственных установлений. Это свидетельствует о больших сдвигах в общественном сознании, происшедших в связи с образованием централизованного государства. „Меры“, предлагаемые Ермолаем-Еразмом, не могли быть выдвинуты в обстановке феодальной раздробленности.

¹ ЛЗАК, вып. 33, стр. 197.

² Там же.

³ Там же, стр. 198.